

Махлин В.Л.*

ФИЛОЛОГИЯ КАК ОПЫТ ЧТЕНИЯ© **(Вспоминая С.Г. Бочарова)¹**

Аннотация. В статье сделана попытка понять и оценить литературно-критическую деятельность выдающегося критика и филолога С.Г. Бочарова с точки зрения таких особенностей, которые отвечают некоторым современным проблемам и задачам гуманитарно-филологического познания. Работами Бочарова легче восхищаться, чем охарактеризовать его способ подхода к художественному тексту. Этот подход не «концептуальный», но и не «позитивистский». Начиная с первой своей книжечки о «Войне и мире» Л. Толстого, Бочаров сочетает научное исследование с опытом конкретного чтения; исследователь остается «читателем», избегая общих слов и теоретических положений и сохраняя непосредственную связь с фактичностью «мира мысли» автора и в то же время с практической идеей филологии. Такой подход, как представляется, актуален и продуктивен для современного литературоведения, культурологии и литературной критики, которые сегодня оказываются между двумя методологическими

---

* *Махлин Виталий Львович* – доктор философских наук, профессор, Московский педагогический гуманитарный университет, Москва, Россия, vitmahlin@mail.ru

Mahlin Vitalij Lvovich – doctor of Philosophy, Professor, Moscow pedagogical University for the Humanities, Moscow, Russia, vitmahlin@mail.ru

© Махлин В.Л., 2021

¹ В основу статьи положен текст выступления на секции, посвященной памяти С.Г. Бочарова (ИМЛИ, «Михайловские чтения», декабрь 2017 г.).

крайностями – между абстракциями теоретизированных схем и абстракциями позитивистской «научности», равно чуждыми *событию* текста и, соответственно, опыту чтения.

Ключевые слова: опыт чтения; филология; читатель; проникновение; наследие-как-обращение.

Поступила: 27.02.20

Принята к печати: 27.03.20

Mahlin V.
Philology as an Experience of Reading
(Remembering S.G. Bocharov)

Abstract. The article is an attempt to understand and evaluate Sergey Bocharov's critical activities and heritage from the point of view of some contemporary problems in human and philological studies. What was and comparatively is quite original in Bocharov's articles and books, it is, I believe, his *approach* to a literary text, beginning with his early little book about Tolstoy's «War and Peace», where this scholar tried to combine his research with his concrete experience of a «common reader». This approach, it seems, allowed him to avoid the two extremes in recent literary studies, namely, abstract theoretism, on one hand, and abstract positivism, on the other. In this sense, Bocharov's heritage may help us today to return to some «pre-scientific», but scholarly forms of textual analysis in philology based on the reading experience itself.

Keywords: the reading experience; philology; interpenetration; heritage-as addressivity.

Received: 27.02.20

Accepted: 27.03.2020

Введение

Наследие, которое оставляет после себя значительный автор – литератор, мыслитель или ученый, – это не только «наследие», которое можно почитать или игнорировать, но еще и некоторое «завещание», молчаливо, одними текстами, обращенное к тем и только тем, кто захочет и сможет ответить на это обращение. Наследие-как-

обращение ожидает от постсовременников *ответного понимания* сказанного и понятого «другими» уже в новой социокультурной ситуации, а значит, в перспективе и в вере, что наследие будет услышано и понято новой современностью как нечто для нее, современности, важное, как свое, но в качестве не столько своего слова, сколько слова другого.

Вспоминая Сергея Георгиевича Бочарова (1929–2017), уместно поставить вопрос о преобладающем импульсе, или доминанте, его историко-литературных, филологических исследований. Такой доминантой, или установкой, скорее всего, нужно признать *чтение*. Чтение не как предварительное и вспомогательное, но как принципиальное качество гуманитарно-филологического мышления и познания. *Опыт чтения как дело чтения* – вот, может быть, отличительная черта всех без исключения работ С. Бочарова на протяжении завидно долгой творческой жизни. Бочаровской филологии нельзя научить, но можно учиться – тезис, актуальность которого я постараюсь обосновать в нижеследующих фрагментах.

Уясняющее прочтение

У С. Бочарова мы не найдем ни *теории* чтения, ни вообще какой-либо *теории* в расхожем значении этого слова. Восхищаясь его исследованиями, затруднительно *перевести* наши впечатления на язык общезначимых суждений, теоретических обобщений. А между тем какой-то *перевод* все же необходим, если наши впечатления и наша память хотят как-то *отвечать* наследию, понятому как *завещание*.

Точнее всех, наверно, высказался о С. Бочарове его коллега по ИМЛИ Аверинцев в одном из интервью в самом начале гласности¹. Замечательная аверинцевская характеристика, правда, лишь косвенно затрагивает нашу проблему. Попробуем уловить и зафиксировать основное устойчивое свойство работ С.Г. Бочарова, руководствуясь его собственными высказываниями.

Вот поздняя статья С.Г. Бочарова «Достоевский – гениальный читатель» [Бочаров, 2014, с. 106–113]; название заимствовано у высоко ценимого им А. Бёма [Бём, 2001, с. 35–37]. Бочаровская статья не только о Достоевском и Пушкине, у которых, действительно, как ни у кого из русских классиков, *чтение становилось* творческим импуль-

сом. *Писатель как читатель*, но также и *герой как читатель* (Дон Кихот как читатель рыцарских романов, Макар Девушкин как читатель Пушкина и Гоголя) – для Бочарова это важно в связи с практической работой филолога. Уже в первой своей книге (о «Войне и мире» Л.Н. Толстого) С. Бочаров подчеркнул роль читателя в истории литературы:

Книги характеризуются тем, как они живут в читательском восприятии [Бочаров, 1987, с. 19].

Через 40 лет, в рецензии на книгу А. Битова, С.Г. Бочаров свяжет общечитательский опыт со специфической задачей читателя – исследователя литературы.

Кто такой филолог? Это читатель, особым образом просвещенный, квалифицированный и, по идее, лучший читатель текстов литературы – уже потом исследователь, а прежде читатель [Бочаров, 2002, с. 176].

А, скажем, в юбилейной статье о М.М. Бахтине (1995), дистанцируясь и от тогдашнего тренда – бахтинологии, и в особенности от бахтинского масскульта, он писал:

«Я – читатель Бахтина, и есть у меня в его сочинениях любимые места» [Бочаров, 1999 а, с. 511].

Конечно, Бахтин – это особый случай, и о причинах упомянутого дистанцирования я скажу в своем месте, сейчас речь о другом. Острое пожизненное недоверие Бочарова к общим оценкам, общим словам и понятиям, к тому, что можно назвать *навыком опережающего обобщения* в суждениях о литературе (и не только о литературе), и что он сам однажды назвал *дурным импрессионизмом*, – вот, пожалуй, на что стоит обратить внимание, если мы хотим разглядеть творческое лицо С. Бочарова как филолога-исследователя. Дело здесь не в отрицании обобщений или теорий. В позднем крупном исследовании Бочарова о «генетической памяти» в литературе об упомянутом выше А.Л. Бёме читаем:

«Бём был скромный теоретик. Он не объявлял теоретической программы, как рядом с ним новые формалисты, он хотел *уяснить* уже существующие в науке понятия (курсив в тексте мой. – В. М.)» [Бочаров, 2012 б, с. 59].

Но что значит «*уяснить* уже существующие понятия»?

Для Бочарова уяснение или прояснение исторически сложившихся в науке понятий означало в конечном счете не столько теоретический, сколько практический интерес и вопрос: в какой мере эти понятия *работают*? Ответить на этот вопрос, очевидно, филолог (и – шире – гуманитарий) может одним-единственным образом – *путем чтения* (Бочаров, как можно заметить, предпочитал более специальное и более активное слово – *прочтение*). *Уясняющее прочтение* – так еще можно определить исходный и пожизненный творческий импульс С. Бочарова, его исследовательскую *установку*.

Лицо и фон

Всякое творческое лицо открывается не в своем уединении, а на историко-систематическом *фоне*, подчас даже независимо от тех или иных влияний. Этот объективный (но не объектный) *проблемный фон* опосредует своеобразие данного автора и в искусстве, и в науке.

«Ничего не ищите за феноменами, они сами теория» – это высказывание Гёте Бочаров мог бы перефразировать примерно так: ничего не ищите за текстом; в *опыте чтения* текст сам обнаруживает (сообщает) всеобщность воплощенных в нем смыслов (феноменов). Этим прочтения отличаются от теоретизированных обобщений. Историко-филологическое исследование, понятое как чтение и *прочтение*, собственно, и было пожизненным делом С. Бочарова. Но это внешне довольно уединенное, персональное дело и опыт актуально входили в большой событийный контекст *научной культуры* прошлого столетия.

Новое *философское мышление* XX в., уходя, по словам М.М. Бахтина из книги о Достоевском (1929, 1963), от всего европейского утопизма и поставив под вопрос основания всей идеологической культуры Нового времени, обратилось – по ту сторону традиционных бинарных оппозиций: *эмпиризм – рационализм, материализм – идеализм, индивидуальное – социальное* т.п. – к исследованию того, что молодой М. Хайдеггер называл *герменевтикой фактичности*, а молодой М.М. Бахтин – *исторической фактичностью* мира жизни. Аналогичные тенденции на свой особый лад происходили и в *филологическом мышлении*. *Не общее лицо* С. Бочарова в нашем литературоведении понятнее как раз на *общем фоне* процессов, происход-

дивших в научно-гуманитарном мышлении в конце Нового времени (в прошлом столетии).

Ведь филология начиная с 1920-х годов, даже полемически отталкиваясь от философии (от *ихнего гейста*, как выражались между собой русские формалисты), по-своему тоже стремилась уйти от того, что оба упомянутых выше мыслителя называли одинаково: немецкий – *theoretische Einstellung* (теоретическая установка), а русский – теоретизмом, абстрактным объективизмом и монологизмом. Дело опять-таки не в тех или иных влияниях (их могло и не быть), – дело в радикальных изменениях в мировосприятии, в объективном общественно-историческом опыте *мира жизни*. Этот новый опыт, отраженный в модернистской литературе начала XX в., С. Бочаров проникновенно исследовал в статье о романе М. Пруста. Вопреки претензиям теории, Бочаров почти с самого начала сделал своим предметом именно значимую историко-герменевтическую *фактичность* текста. Текста, культ которого в эпоху литературной теории (начиная в особенности с 1960-х годов) возрастал по мере того, как в образовании и в научном исследовании способность анализа и понимания текста скорее падала – тенденция, которую уже в середине прошлого столетия подметил в литературоведении и проанализировал выдающийся немецкий филолог Эрих Ауэрбах².

Современник Ауэрбаха Ю.Н. Тынянов писал в автобиографии: «Я стал изучать Грибоедова – и испугался, как его не понимают и как не похоже все, что написано Грибоедовым, на все, что написано о нем историками литературы» [Тынянов, 1966, с. 19]. Это расхождение («...как не похоже...») относится не к текстам, а к их читателям, в разные эпохи восприятия того или иного автора: наш, по выражению М.М. Бахтина, *понимающий глаз* может по-разному видеть, казалось бы, один и тот же текст в разные времена, и новые прочтения корректируют и обогащают, а порой и обедняют, прежние оценки и представления. Мир литературы, как и мир жизни, по-новому открывается в тексте, в особенности на переломах, или перепадах, эпох, и мы еще увидим, как исторический фон сказывался на исследованиях С. Бочарова. Во всяком случае, я думаю, у него может поучиться всякий, кто даже и в наши по-новому продвинутые времена сохраняет и культивирует склонность к чтению и кому как раз в такие времена хочется отдать себе отчет в том, что это значит – *читать*.

Связать личный опыт чтения с *донаучным* читательским восприятием, с *common reader* (*обычным читателем*), по выражению В. Вульф, с одной стороны, а с другой – соединить опыт чтения с задачами филологического исследования – в этом, по всей вероятности, заключался способ подхода С. Бочарова к тексту как миру мысли во всех сферах его профессиональной деятельности – историка литературы, литературного критика, научного комментатора, мемуариста. И если мы хотим лучше понять историко-литературную доминанту исследований Бочарова, нужно попробовать осознать объективные проблемы, которые ему приходилось решать как филологически лучшему читателю.

Проблема

За последние полвека все твердо усвоили слово *текст* как собственно *предмет* гуманитарно-филологической деятельности. Куда труднее говорить о самой этой деятельности, о *чтении*, которое Г.О. Винокур определял (с опорой на герменевтическую традицию) как «особое искусство <...> извлекать содержание из соответствующего сообщения» [Винокур, 2000, с. 54]. Чтение не только направлено на текст как свой предмет, – чтение – внутренний, *субъективный* процесс, который трудно осуществлять по каким-либо правилам и еще труднее оценивать по объективным критериям. Поэтому Винокур называет чтение искусством, и Бочаров явно думает так же. В своем выступлении по случаю вручения ему Солженицынской премии (2007) Бочаров говорил о двусмысленности места литературоведа внутри *научной культуры*:

«Место филолога, литературоведа во всяком случае – между литературой и наукой, и в обе стороны ему приходится оправдываться» [Бочаров, 2007 а, с. 46].

Оправдываться приходится скорее за искусство чтения, чем за отсутствие такого искусства. Так называемое точное литературоведение – это, конечно, тоже прочтение, но обработанное так, чтобы за него не приходилось оправдываться. В цитируемом выступлении Бочаров уточняет:

«Филолог тоже читатель, но странность его положения в том, что такое необязательное и праздное занятие, как чтение, он превращает в

профессиональное дело. Он должен считаться ученым, оставаясь читателем, а это не так-то просто – *литературоведу остаться читателем, не так-то многим удается* [Бочаров, 2007 а, с. 46].

Проблема в том, что чтение субъективно постольку, поскольку предполагает активность читателя, которую он или она далеко не всегда или не вполне осознает и учитывает. Немая, внешне уединенная деятельность чтения, однако, у читателя-филолога не остается чем-то только *внутренним* (знаменитая *Innerlichkeit* немецкого идеализма и романтизма), но именно выражается («овнешняется», по слову Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина начала 1920-х годов) во всяком поступке и творческом акте, включая, конечно, и деятельность филолога. Не в чтении *про себя*, но в *передаче* воспринятого, пережитого и понятого сообщения *другим* – вот в чем, судя по всему, кроется искусство чтения и проблема прочтения.

Иначе говоря, между тем, что́ мы высказываем и пишем по поводу прочитанного, и тем, что́ и как мы воспринимаем и переживаем в опыте чтения, обнаруживается расхождение, зазор, *люфт*. Трудность, по-видимому, не в том, что текст объективен, а наше читательское восприятие текста субъективно, но, скорее, наоборот: читательское восприятие объективно, т.е. ближе к значимой фактичности текста, но не имеет языка, адекватного восприятию текста; приходится довольствоваться некоторым как бы общепонятным языком теоретических, риторических, моральных, общественно-политических суждений-обобщений, имеющих вид *познания* произведения или текста. (В современном «информационном» обществе этот *разрыв*, похоже, достигает своего предела, и не только в СМИ: для того чтобы подчас неизвестный адресат (аудитория) моего сообщения меня понял, мне приходится выражать свою мысль и эмоции на готовом и как бы общепонятном языке виртуального общения, и почти неизбежно это язык *клише*.)

Для историка литературы, для филолога как *лучшего читателя*, ответственного за свое высказывание, – наибольшим препятствием в опыте чтения и исследования, как это ни парадоксально, подчас оказывается сама традиционная наука, точнее – *язык* науки, все то, что Томас Кун в своей знаменитой книге о научных революциях назвал «*идеологией науки как профессии*», имея в виду не действительное прошлое научных прорывов и открытий, но готовые результаты, или

«пенки», этих событий, воспринятых задним числом³ [Кун, 2001, с. 182].

Таким образом, за *объективной* проблемой текста скрывается по-особому историчная проблема *читателя* текста. И это, конечно, не та произвольная субъективность, которую С. Бочаров, ужаснувшись наступившей в 90-е годы свободе интерпретации, назвал *самоутверждающимся пониманием*, более или менее пренебрегающим предметом понимания [Бочаров, 1999 а, с. 11] и защищенным пресловутым аргументом: *А я так вижу!..* Субъективность читателя (и – шире – слушателя, зрителя, «реципиента») *социальна*, но не в памятном нам советском, публично-риторическом смысле, а в существенно ином, ответственном перед предметом понимания как другим для *отвечающего* этому другому читателя-филолога. В противоположность самоутверждающимся интерпретациям (вполне понятным исторически и психологически в посттоталитарном социуме) Бочаров настаивает на приоритете *понимающего прочтения*, которое не отказывается от себя, но и не предает текст и его автора ради самоутверждения интерпретатора, – и постольку при удаче может претендовать на объективность, оставаясь в то же время ограниченным пределами своей объективной же персональной, социальной, профессиональной *определенности*, называемой в современной герменевтике *конечностью* (Endlichkeit) нашей мысли, нашей жизни, нашего духа.

Иначе это можно выразить так: в историко-филологическом мышлении и познании *историчен* не только исследуемый мною текст, историчен я сам как исследователь в своем, по-хайдеггеровски выражаясь, «вот-здесь-бытии» (Dasein) унаследованной истории, со всем грузом научных и духовно-идеологических предпосылок, предрассудков, предубеждений, предвзятостей и *горизонтом ожиданий*. В этом смысле чтение, тем более интерпретация, правильно понятая, требует не самоутверждения, но скорее скромности. С.Г. Бочаров писал в связи с этим: «Литературоведению подобает скромность: оно литературе *служит*, литературоведческая речь это косвенная речь по определению; и именно как таковая она имеет свои особые возможности в мире мысли (и, очевидно, в этом ее характере заключается также ее особая этика)» [Бочаров, 1999 а, с. 12].

Этика скромности, самоограничение, не есть, конечно, что-то новое, напротив, это исконное самосознание филолога, отчасти подза-

бытое за последние десятилетия. Границы и ограниченность литературоведения, его не изначальный, а вторичный («косвенный») характер – герменевтическая этика *познания познанного* (*Erkenntnis des Erkannten*), согласно знаменитой (из XIX в.) формуле филологии Августа Бека, – заключают в себе как раз специфические *возможности чтения* и исследования – возможности *суждения* [Бёк, 2013, с. 208].

Служба понимания

Любое теоретическое построение, или концепция, представляет собой переработанный в систему дискурсивных понятий *опыт чтения* – даже если концепция пытается воспарить над этим опытом и «снять» его в теории, в теоретически общезначимых понятиях. То, что мы *извлекаем* из значительного художественного произведения в форме суждения о нем, всегда *меньше* того, что мы восприняли при чтении значительного произведения; теоретическое обобщение, даже глубокое, *черпает* из текста, но не исчерпывает его. И этот проблематизируемый здесь разрыв между конкретным опытом чтения и обобщениями этого опыта в наших суждениях, конечно, имеет место не только при восприятии художественной литературы, но и при восприятии всякого текста, всякой содержательной речи (например, по-вседневной или философской). Но в особенности это касается произведений искусства; как писал создатель современной философской герменевтики Ганс-Георг Гадамер в своей автобиографии (переведенной у нас А.В. Михайловым), художественное произведение «*не уступает истину понятию*» [Гадамер, 1991, с. 11] – мысль, которая, разумеется, не есть аргумент против истины и мышления в понятиях, против «ихнего гейста». В опыте искусства, как и в опыте чтения, *научно-гуманитарное мышление* XX в. преодолевало *утопизм*,ственный не просто той или иной *идеологии*, но традиционному рационализму Нового времени, и открывало конкретную *рациональность* мира жизни и мира искусства, осмысленную фактичность и *овнешненность* всякой (в том числе эстетической) деятельности. Этот поворот к *повседневной* рациональности и конкретной историчности мира жизни не стоит смешивать с популярными представлениями о бессознательном, так повлиявшими на гуманитарные науки в истори-

ческий момент краха классического рационализма на исходе Нового времени.

Сегодня борьба с искушениями *утопического мышления* происходит во всех ответственных областях мира жизни, не исключая, разумеется, гуманитарные науки; причем в серьезных случаях это борьба – не *против*, а *за* науку, философию и даже теорию. С. Бочаров был скромным, но принципиальным борцом против двух основных утопических зол в современной гуманитарно-филологической теории и практике: против утопии чистой позитивистской *научности* [Аверинцев, 1969, с. 102], с одной стороны, и утопии чистой идеалистической *духовности* – с другой. Этот сюжет настолько серьезен и актуален, что достоин самостоятельного рассмотрения, от которого здесь придется отказаться⁴.

Искусство чтения как дело филологии, литературоведения – во всяком случае, имеет, кажется, одно *оправдание*: это – попытка оградить и оправдать текст (а значит, и реальный *затекст* мира жизни) перед лицом более или менее пренебрегающих предметом самоутверждающихся интерпретаций. В этом смысле полвека назад С.С. Аверинцев в «Похвале филологии» писал, что для филолога *текст важнее «концепции»* [там же]. С. Бочаров понимал дело филологии аналогичным образом. В рецензии на книгу Синявского-Терца о Гоголе (2009) он выделяет как особое достоинство рецензируемого сочинения *rossынь подробностей* [Бочаров, 2012 а, с. 85], не уступающих *свою* истину обобщающему понятию. И такой же дифференцирующий, конкретизирующий подход к предмету находим в его поздних воспоминаниях о старших коллегах или ушедших товарищах в своем поколении. Так, вспоминая разговоры с *наследниками – обломками* пореволюционной эпохи – М.М. Бахтиным и Л.Я. Гинзбург, Бочаров *rossынью подробностей* дает понять, насколько *поколение на повороте* (Л. Гинзбург) было *многослойным* как в научном, так и в политическом и персональном аспектах, причем *линия размежевания* внутри одного и того же времени, одного и того же поколения, что характерно, связана с отношением к Достоевскому [Бочаров, 2014, с. 410–418].

Свое понимание чтения как первоэлемента филологии Бочаров, полемически дистанцируясь от масскульты самоутверждающихся интерпретаций, законно сближал с академической традицией, отвечав-

шей за само понятие интерпретации. В выступлении по случаю присуждения ему Солженицынской премии он не случайно вспомнил толкование филологии как «службы понимания» в знаменитой аверинцевской энциклопедической статье [Аверинцев, 1972, с. 973–979]:

«Это было, собственно, слово о том, что на более специальном языке называется герменевтикой: *понимающее прочтение* как главное в нашем деле» [Бочаров, 2007 а, с. 43–49].

Как же возможно *понимающее прочтение*? *Объяснить* это почти невозможно, разве что *показать* на конкретных примерах тех филологов, философов, критиков, которым такие прочтения удавались. С. Бочаров – один из таких.

Прямо через текст

В своих уясняющих дело, понимающих прочтениях русской литературной классики, от Пушкина до Пастернака и А. Платонова, Сергею Бочарову было дано передавать почти непередаваемое в понятиях, но уловляемое нами при чтении, т.е. в процессе восприятия художественного произведения, которое не уступает истину понятию. На церемонии вручения Бочарову Солженицынской премии Д.П. Бак остроумно назвал это умение, или искусство, «литературойдением» Бочарова [Бак, 2007, с. 35–42]. Установку на прямой читательский анализ литературного текста Бочаров сформулировал в первой, небольшой своей книжечке о «Войне и мире» Л.Н. Толстого (1963). Здесь читаем:

«Мы раскрываем “Войну и мир” и смотрим знакомый текст. Может быть, минуя предварительные “общие слова”, попытаться *прямо через текст* войти в мир сцеплений романа Толстого? Может быть, та или эта страница, тот или другой эпизод вернее и непосредственнее введут нас в книгу, во внутреннюю связь ее, чем предварительные общие рассуждения?» [Бочаров, 1987, с. 6].

Общеизвестная мысль Л. Толстого о *сцеплении* здесь понята все-рьез, т.е. стала делом молодого филолога. «Прямо через текст войти в мир сцеплений» – это значит: в опыте чтения разомкнуть и развернуть *внутреннюю связь* художественного произведения, филологически «овнешнить» ее. *Прочитать* текст, произведение – значит, по Бочарову, «овнешнить» так называемый внутренний мир художест-

венного произведения *изнутри* его. Поразительно, с какой последовательностью С. Бочаров следовал этому своему принципу – «прямо через текст» – на протяжении полувека.

В этом отношении характерно употребление Бочаровым *цитат*. Цитата, вообще говоря, может быть оправданием филолога, а может – признаком неквалифицированности, некомпетентности: все дело в умении-искусстве понимать и *овнешня员ь* опыт чтения. Литературоведы (и не только литературоведы) нередко приводят цитату и этим довольствуются, как если бы чужая речь говорила сама за себя, без обрамляющего ее контекста, *без комментария*. Это, можно сказать, антифилологическое прочтение текста. Не следует забывать, что филология исторически возникла из комментария, и сегодня, после конца Нового времени, вновь обращается к своему первоисточнику в стремлении по возможности отмежеваться от *самоутверждающихся интерпретаций* [Махлин, 2009, с. 546–564]. Так вот: цитат в исследованиях С. Бочарова всегда много, но все они *говорящие*, как бы заново заговорившие благодаря искусству читателя-комментатора.

Книжечка молодого автора о «Войне и мире», изданная в популярной серии, может быть, потому и осталась самой читаемой работой Бочарова, что в ней ему удалось некий синтез филологически квалифицированного и *обычного* чтения. Это была, конечно, персональная удача, но для нее в начале 1960-х годов, помимо великого предмета исследования, сложились объективные предпосылки.

Сквозь (нашу) историю

Повторимся: *необщее* лицо бочаровского литературоведения и филологии можно разглядеть и оценить как раз на *общем* историческом фоне. Бочаров в новом столетии и сам рассматривал филологию и друзей-филологов *сквозь (нашу) историю*: у него было не такое уж частое среди филологов острое чувство времени, в особенности, как он говорил, *перепадов* эпох. Не удивительно, ведь С. Бочаров прожил не одну, а как минимум *четыре* эпохи нашей истории, если начинать отсчет от нашего поколения, только что вышедшего из XX съезда и своей комсомольско-марксистской невинности [Бочаров, 1999 а, с. 504] и вплоть до первых десятилетий нового века и тысячелетия. «Аверинцев в нашей истории» – одна из замечательных поздних ра-

бот Бочарова [Бочаров, 2012 а, с. 269–275]. А чем был сам С.Г. Бочаров в нашей истории, и как он сам понимал эту историю?

Советский духовно-идеологический «котлован», о котором писал А. Платонов в 1920-е годы, кажется, только сейчас открывается взгляду новых поколений постольку, поскольку советское прошлое не только отделено от нашей современности политическими и идеологическими изменениями, но и сохраняет с прошлым определенные связи – как в положительном, так и в отрицательном аспекте. Опыт нескольких советских и постсоветских поколений С. Бочаров описывал в поздних своих работах как свидетель и участник, и для него эта история начинается как бы с нуля, с переживания словно бы *остановленного* исторического времени. Вспоминая Л.Я. Гинзбург и ее понятие *поколение на повороте*, Бочаров писал о своем поколении, начинавшем в конце 1950-х – начале 1960-х годов, на очередном крутом повороте-перепаде российской духовно-идеологической истории: «Мы выходили из *внеисторического состояния* (особый опыт как бы переживания вечности в послевоенное сталинское восьмилетие, когда время в воздухе стояло, и основное чувство было, что никогда ничего другого не будет, всегда будет то, что теперь) к переживанию *движущейся истории*⁵.

Подобно другим молодым участникам знаменитого в свое время ИМЛИйского трехтомника «Теория литературы» (1962–1965) Бочаров должен был начинать с историцистских, квазигегельянских схем, дистанцируясь и от МГУшной схоластики в духе Г.Н. Поспелова, и от восходившего вокруг 1960 года структурализма с его заманчивой, остроумной, но обедняющей предмет *научностью*. Эти теоретизированные схемы для многих уже во второй половине 1960-х годов, по выражению из Достоевского, *погасли в уме*, и каждый из *великолепной четверки* на известной ныне фотографии друзей-аспирантов в садике ИМЛИ (С. Бочаров, Г. Гачев, В. Кожинов, П. Палиевский) пошел своим особым путем жизни и мысли. На этом пути, надо полагать, постепенно сложилась особая *позиция* С. Бочарова в отечественном литературоведении, его *позиция чтения*. В этом контексте прочитывается мысль Бочарова в его поминальном слове о Г.Д. Гачеве:

«Ведь все мы чем-то интересным занимались, а ограничения были внутренними, причем не политические и идеологические, а профессиональные» [Бочаров, 2011, с. 160].

И вот, кажется, никто, кроме Бочарова, в том поколении российских филологов и историков литературы с такой последовательностью не сделал принцип и дело чтения своим пожизненным исследовательским методом в буквальном смысле слова *methodos* («путь следования») – в обходительном, но твердом размежевании с теоретизированными подходами к литературе и миру. Не общие рассуждения, но конкретные проникновения, извлечения сообщений из опыта чтения и – шире. – из опыта мира – так еще можно определить способ подхода С.Г. Бочарова к феноменам литературно-художественного творчества.

Замечательно, что в постсоветские времена С. Бочаров, в отличие от многих, не изменил своему филологическому делу, не ушел в публицистику или в *свободное русское мыслительство* (М.М. Бахтин). Наоборот, его книга «Сюжеты русской литературы» (1999) открыла новый продуктивный этап прочтений русской литературной классики XIX–XX вв., куда органически вошли теперь и тексты русских мыслителей.

Вместе с тем на новом рубеже двух столетий для Бочарова явно наступил период известного переосмыслиения и расширения своей позиции чтения в условиях новой современности и ее вызовов. Помню, как на праздновании 70-летия Бочарова в ИМЛИ (май 1999 г.) я было поднял тост за «замечательного литературоведа», но юбиляр мягко прервал меня: «Литературовед – что здесь такого уж хорошего?». Похоже, то, что было продуктивным ограничением литературоведения в советские десятилетия, в постсоветские стало восприниматься как ограниченность, и для С. Бочарова проблема, по-видимому, заключалась не в отказе от границ историко-филологической деятельности, но в расширении и углублении исходной исследовательской доминанты. Во всяком случае, и теперь, на новом перепаде истории, ограничения были не политические и не идеологические, а профессиональные. В поминальной тоже статье об А.П. Чудакове читаем:

«А.П. чувствовал себя человеком академическим – но что это значит? Он хотел *держать традицию* не только отцов – филологических дедов» [Бочаров, 2013, с. 329].

Держать традицию – сильное практическое определение не столько так называемого академизма, сколько задачи филологии как «познания познанного». В этом смысле Бочаров в постсоветские годы новаторски продолжал все то, что он делал раньше: литературоведение теперь стало частью филологии при неизменном стремлении: методом так называемого пристального чтения (close reading) – «держать традицию».

Наследие Бахтина

В разговоре о наследии С.Г. Бочарова невозможно обойти вопрос о наследии М.М. Бахтина. То, что сделал Бочаров в этом отношении – и как душеприказчик, и как автор бесценного мемуара «Об одном разговоре и вокруг него» (1992), и как издатель и комментатор Собрания сочинений Бахтина (1996–2012), – все это когда-нибудь, хочется верить, удостоится большего внимания, чем в наступившие теперь времена, дожив до которых Бочаров, с понятным для всякого пишущего человека эмоциональным преувеличением, ронял в разговоре: «Никто никого не читает...». Выделим и прокомментируем здесь в упомянутом тексте «Об одном разговоре и вокруг него» [Бочаров, 1999 б, с. 472–502] ряд наблюдений, которые открывают в «читателе Бахтина» незаменимого свидетеля и собеседника, а в наследии Бахтина – пути будущих *понимающих прочтений*.

1. Бочаровский «мемуар» начинается с наблюдения, которое, как представляется, проливает свет на объективное духовно-историческое обстоятельство, предопределившее условия *рецепции* наследия Бахтина, на родине и за рубежом, вплоть до нашего времени:

«Уже когда это стало непоправимо, я понял, что мало разговаривал с Бахтиным. <...> Мы, конечно, новые знакомцы, были начитанные и достаточно словесные. Но чувство, что нет ему среди нас собеседника, было. И на общении это сказывалось» [Бочаров, 1999 б, с. 472].

Речь идет о разрыве исторического преемства, произшедшем в советский век. Отсюда, вероятно, скептическое отношение Бочарова

к так называемой бахтинистике. И сегодня его непубличный скепсис понятнее, чем в 1960-е годы с их энтузиазмом и даже еще в 1990-е годы с их эйфорией⁶.

2. Исторический разрыв между наследием М.М. Бахтина и рецепцией этого наследия (начиная с 1960-х годов) Бочаров связывает с судьбами русской религиозной философии:

«Унаследовав ее проблематику, Бахтин сменил язык философствования. Параллелей между ранними трактатами Бахтина и положениями Бердяева и Карсавина можно собрать немало, но надо установить *решающий факт*: он отклонился от основного русла русской философии начала века <...> свернул с пути религиозной философии как магистральной традиции, на фоне которой он начинал. И вся оригинальность Бахтина-мыслителя с этим основным фактом связана, им обусловлена» [Бочаров, 1999 б, с. 487, 489].

«Решающий факт» не был изменой традиции, а смена языка философствования (уже в ранний период) была мотивирована решающим научно-философским событием XX в., которое в советские времена, в отличие от Европы, «быть не возмогло» ни в советском научно-материалистическом, ни в религиозно-идеалистическом мечтательстве *о главном*. Упоминавшийся Г.-Г. Гадамер в своем опоздавшем на советский век обращении «К русским читателям» определяет это событие как «переход от мира науки к миру жизни» в самом научно-гуманитарном мышлении [Гадамер, 1991, с. 7] – поворот-переход, который русский современник Гадамера осуществил в 1920-е годы *как философ*, а в последующие десятилетия как единственный в своем роде *филолог*.

3. Эта *не общая* особенность пути М.М. Бахтина на *общем* европейском фоне его современности наводит С. Бочарова на довольно смелую догадку:

«Может быть, несвобода прямо философствовать “о главном” позволила совершить поворот проблематики» [Бочаров, 1999 б, с. 491].

Поворот проблематики, в сущности, обусловил начиная с 1960-х годов неслыханную мировую известность М.М. Бахтина, но также и то, что можно назвать *черным квадратом* всей истории рецепции его наследия, на родине и на Западе, вплоть до нашего времени. В самом деле: для современных философов М.М. Бахтин подчас – слишком

филолог, а для филологов – слишком *философ*; для читателей на Западе он слишком *русский*, а для российских – слишком *европеец*.

4. Не случайно в центре разговора с М.М. Бахтиным 9 июня 1970 г. оказалась книга о Достоевском. Бочаров утверждает:

«...я считал (и считаю), что тот поворот от философской критики начала века к структурно-эйдетическому рассмотрению Достоевского, какой осуществил Бахтин в своей книге, был глубоко плодотворен, он и позволил сказать “новое слово”» [Бочаров, 1999 б, с. 475].

Позволительно добавить, что этот поворот и это новое слово о Достоевском, при всей уникальности М.М. Бахтина, можно объективно понять и оценить в историко-систематической ретроспективе, на фоне отмеченных выше парадигматических сдвигов. Известная драма русской мысли в советский век состоит в том, что политико-идеологическая революция 1917 г. сделала невозможным осмысление одновременных революционных поворотов в гуманитарном мышлении XX в. и, соответственно, сделала невозможной современную ориентацию в истории мышления (в отличие от «идеологии науки как профессии», по Т. Куну). М.М. Бахтин описал эти поворотные события не где-нибудь, а в книгах и статьях, опубликованных во второй половине 1920-х годов под именами его друзей⁷.

4. Проблема так называемых спорных текстов (*disputed texts*) в мемуаре Бочарова образует, с одной стороны, исходный пункт и композиционный центр, а с другой – периферию того, что располагается вокруг этого центра и что гораздо важнее надуманной проблемы. За спорными текстами, куда, как это ни странно на первый взгляд, почти вовсе еще не ступала нога человека (исследователя), – свидетельство С. Бочарова открывает *затекст* той конкретно-исторической ситуации, которая сделала возможной единственное в своем роде авторство – авторство *марксиста, которого не было (и не будет)*. В тот июньский день 1970 г. в доме для престарелых на станции Грибово М.М. Бахтин сказал Бочарову (а С.Г. Бочаров записал в тот же вечер):

«– Видите ли, я считал, что могу это сделать для своих друзей, а мне это ничего не стоило, я ведь думал, что напишу еще свои книги. <...> Я ведь не знал, что все так сложится. А потом, какое все это имеет значение – авторство, имя? Все, что было создано за эти полвека»

ка на этой безблагодатной почве, под этим несвободным небом, все в той или иной степени порочно» [Бочаров, 1999 б, с. 474–475].

Пореволюционная советская эпоха, которая многим (особенно на Западе) ретроспективно представлялась и представляется «золотыми 20-ми годами», М.М. Бахтин так охарактеризовал в другом разговоре с С. Бочаровым (21. XI. 1974):

«Вообще тогда разложение было в полном ходу, царило презрение к нравственным устоям, все это казалось смешно, казалось, что все это рухнуло. – «М.М., и вам тоже?» – «Ммда, отчасти и мне тоже. Мы ведь все предали – родину, культуру». – «А как можно было не предать?» – «Погибнуть. Я тогда же начал писать статью «О непогибших». Статью ненаучную. Конечно, не кончил и, конечно, потом уничтожил?»» [Бочаров, 1999 б, с. 492].

Таким был «затекст» не только спорных текстов, но и всех бесспорных. С. Бочаров, в сущности, единственный, кто своим мемуарным свидетельством, так сказать, прочитал, на примере одного мыслителя и ученого, катастрофический разрыв внутри русской духовно-исторической культуры – разрыв, который более или менее подспудно *действует* в современном научно-гуманитарном и общественном сознании.

* * *

В заключение вернемся к началу и попробуем ответить на вопрос: если творческое наследие С. Бочарова заключает в себе некоторое обращение-завещание – не политическое и идеологическое, а *внутреннее и профессиональное*, – то в чем оно заключается?

Мне кажется, в наше время между великой литературой прошлого (отечественной и зарубежной) и тем, что и как говорится и пишется о ней, – все увеличивающееся «зияние», или, научно выражаясь, *несоизмеримость*. Такая несоизмеримость, как говорилось выше, имеет место всегда, но сегодня, похоже, она заметно усилилась в гуманитарных науках за счет ослабления исторического чувства и такта, известной дезориентации общественного сознания. Лучшую литературу прошлого, странно сказать, бывает как-то жаль, хотя она сама в этом не виновата. Искусство чтения, похоже, уходит, его не заменят никакие теоретические выкладки, тем более – псевдонаучные имитации.

ции. Своими *понимающими прочтениями* С. Бочаров оставил нам в наследство напоминание о том и, может быть, залог того, что какой-то *диалог* современности с прошлым еще возможен, и что филология, несмотря ни на что, сохранит верность своему изначальному, подлинному ядру – опыту и делу чтения, способность «держать традицию».

Примечания

¹ На вопрос о его предпочтениях среди коллег-филологов С. Аверинцев выделил исследования С. Бочарова о русской литературе – работы, «стоящие далеко от научной моды и суеты», привлекательные «своей тихой, незаносчивой самостоятельностью, своей трезвостью и правдивостью, сосредоточенностью мысли, терпеливой ясностью изложения. <...>. Свойство работ Бочарова принадлежать традиции отечественной гуманитарии, шире – русской культуре, очень органично и не имеет ни малейшего отношения к сомнительной сфере деклараций, фразеологии и притязаний. Такой честной “русскости” подделать нельзя». – Аверинцев С. Не утратить вкус к подлинности (1986) // Аверинцев С.С. Попытки объясниться. – М. : Правда, 1988. – С. 34.

² Э. Ауэрбах в переведенной у нас статье «Филология мировой литературы» подметил, среди прочего, «искушение, к которому и без того имеют склонность многие начинающие и не только начинающие исследователи; искушение это состоит в том, чтобы путем гипостазирования абстрактно упорядочивающих понятий как бы сразу овладеть всею конкретною полнотою предлежащего материала, что приводит к стиранию предмета, к подмене его в дискуссиях по поводу мнимых проблем и наконец к полному ничто (ins bare Nichts). См. : Ауэрбах Э. Филология мировой литературы (1952) // Вопросы литературы. – М., 2004 (сентябрь / октябрь). – С. 131–132.

³ Т. Кун характеризует здесь инерцию научных традиций с их профессиональным языком, все то, что создает заслон между «нормальной» наукой и новым историческим опытом. Под «идеологией науки как профессии» Кун понимает тенденцию среди ученых-естественников – «искушение переписать историю» ретроспективно, «представить историю науки в линейном и кумулятивном виде», вследствие чего многие значимые факты науки прошлого и современности выпадают из такой «профессиональной» истории (там же). Насколько же «антиисторический дух научного сообщества», подмеченный Т. Куном (там же)? должен быть сильнее в общественно-исторических (гуманитарных) науках!

⁴ Поздний С. Бочаров полемизирует, с одной стороны, с нео- или постструктуртуристскими подходами к литературе как материальной «текстуре» и «интертексту-

альности», в духе Р. Барта и Ю. Кристевой, а с другой – спорит с произвольными попытками вернуться, на развалинах советского века, к отвлеченной «духовности», неисторичной и конъюнктурной См. в связи с этим редкую для него по резкости критику самопровозглашенной «религиозной филологии»: *Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. С. 574–600.*

⁵ *Бочаров С. Вещество существования.* Цит. изд. С. 414. В удивительно написанном мемуаре о смерти Сталина «Март 53-го» (2003) С.Г. Бочаров воссоздает переживание вдруг сразу «двинувшейся истории»: «И вот в те дни похорон и почувствовалось это уже – что время двинулось, часы пошли. Это сразу почувствовалось, и я тогда на улице это увидел <...> – я не увидел особой скорби, а было – на лицах прямо – что-то другое, что я опять же позже, задним числом почувствовал-осознал-увидел как ожидание – ожидание перемен. То самое чувство, что кончилась вечность и часы пошли (и пошли так быстро, как невозможно было себе представить, и дальше шли уже без остановки, хотя и с замедлениями, с аритмией, как у тяжелого сердечника, до середины 80-х)». – *Бочаров С. Там же. С. 423.*

⁶ В год 100-летия со дня рождения М.М. Бахтина С. Бочаров резонно вопрошал в юбилейной статье: «Бахтин – в авангарде, литература о нем уже необъятна, но где продолжатели его дела?» (см.: *Бочаров С. Сюжеты русской литературы. С. 508*). Сегодня, после «бума» и после конца Нового времени, стало понятнее, чем в предшествовавшие десятилетия, что «продолжатели дела» уже или еще были невозможными, и само «дело» еще только предстоит определить будущим исследователям.

⁷ Ср., в частности, в «Формальном методе в литературоведении» (1928) при изложении кризиса и поворота в гуманитарном мышлении начала XX в.: «Философия и гуманитарные науки слишком любили заниматься чисто смысловыми анализами идеологических явлений, интерпретаций их отвлеченных значений и недооценивали вопросов, связанных с их непосредственной реальной действительностью в вещах и их подлинным осуществлением в процессах социального общения. <...> “Смысл” и “сознание” – вот два основных термина всех буржуазных теорий и философий культуры» [Бахтин (под маской), 2000, с. 190]. То, что многим на Западе и особо продвинутым в нашей стране представлялось (и представляется) «марксизмом» если уж не М.М. Бахтина, то хотя бы «кружка Бахтина в отсутствии учителя», есть только перевод на официальный язык (можно сказать, продуктивное обеднение раннего философского проекта начала 20-х годов с его критикой «теоретизма» и «гносеологизма всей философской культуры XIX и XX века».

Список литературы

- Аверинцев С. Похвала филологии // Юность. – М., 1969. – № 12. – С. 98–102.
- Аверинцев С. Филология // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – Т. 7. – Стб. 973–979.
- Аверинцев С. Не утратить вкус к подлинности (1986) // Аверинцев С. Попытки объясниться. – М. : Правда, 1988. – С. 25–36.
- Аузербах Э. Филология мировой литературы (1952) // Вопросы литературы. – М., 2004. – (сентябрь / октябрь). – С. 123–139.
- Бак Д.П. Литературовидение Сергея Бочарова // Похвала филологии : Литературная премия Александра Солженицына (1998–2007). – М. : Русский путь, 2007. – С. 35–41.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. Избранное. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. – Т. 2 : Поэтика Достоевского. – С. 15–288.
- Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. Избранное. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. – Т. 2 : Поэтика Достоевского. – С. 289–444.
- Бахтин М.М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия. Статьи (2000). – М. : Лабиринт, 2000. – 640 с.
- Бём А.Л. Достоевский – гениальный читатель (1931) // Бём А.Л. Исследования. Письма о литературе. – М. : Языки славянских культур, 2001. – С. 35–57.
- Бёк Август. Энциклопедия и методология филологических наук [Текст] / в изложении П.И. Аландского ; пер. с нем. А. Кузнецова. – 2-е изд. – М. : URSS : ЛиброКом, 2013. – 208 с. – (Школа классической филологии).
- Бочаров С. Роман Л. Толстого «Война и мир» (1963). – 4-е изд. – М. : Художественная литература, 1987. – 160 с.
- Бочаров С.Г. Пруст и «поток сознания» // Критический реализм XX века и модернизм : Сб. статей / ред. кол. Жегалов Н.Н., Мясников А.С., Самарин Р.М., Эльсберг Я.Е. – М. : Наука, 1967. – С. 194–234.
- Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. – М. : Языки русской культуры, 1999 а. – 628 с.
- Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него (1992) // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. – М. : Языки русской культуры, 1999 б. – С. 472–502.
- Бочаров С. Лирика ума, или Пятое измерение после четвертой прозы // Новый мир. – М., 2002. – № 11. – С. 174–178.

Бочаров С. Слово лауреата // Похвала филологии. Литературная премия А. Солженицына. – М. : Русский путь, 2007 а. – С. 43–49.

Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. – М. : Языки славянских культур, 2007 б. – 656 с.

Бочаров С. Памяти Георгия Дмитриевича Гачева // Прогулки с Андреем Синявским : Вторые международные историко-литературные чтения, посвященные жизни и творчеству Андрея Синявского (Абрама Терца). – М. : Центр книги Рудомино, 2011. – С. 157–161.

Бочаров С. Генетическая память литературы. – М. : РГГУ, 2012 а. – 341 с.

Бочаров С. О кровеносной системе литературы и ее генетической памяти // Вопросы чтения : Сб. ст. в честь Ирины Бенционовны Роднянской. – М. : РГГУ, 2012 б. – С. 55–94.

Бочаров С. Синяя птица Александра Чудакова // Александр Павлович Чудаков : Сборник памяти. – М. : Знак, 2013. – С. 322–331.

Бочаров С. Вещество существования: Филологические этюды. – М. : Русский мир, 2014. – 462 с.

Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук. – М. : Лабиринт, 2000. – 192 с.

Гадамер Г.-Г. К русским читателям // *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. – М. : Искусство, 1991. – С. 7–8.

Гадамер Г.-Г. Философия и герменевтика (1976) // *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. – М. : Искусство, 1991. – С. 9–15.

Кун Т. Структура научных революций (1962). – М. : АСТ, 2001. – 608 с.

Махлин В.Л. После интерпретации // *Махлин В.Л.* Второе сознание. Подступы к гуманитарной эпистемологии. – М. : Знак, 2009. – С. 546–564.

Тынянов Ю.Н. Автобиография (1939) // Тынянов-писатель и ученый : Воспоминания. Размышления. Встречи. – М. : Молодая гвардия, 1966. – С. 9–20.

References

Averincev, S. (1969). Pohvala filologii. *Yunost'*, (12), 98–102.

Averincev, S. (1972). Filologiya. In *Kratkaya literaturnaya enciklopediya: v 9 t. (Vol. 7)* (Stb. 973–979). Moscow : Sovetskaya enciklopediya.

Averincev, S. (1988). Ne utratit' vokus k podlinnosti (1986). In Averincev S. *Popytki ob"yasnit'sya* (pp. 25–336). Moscow : Pravda.

Auerbah, E. (2004, sentyabr'/oktyabr'). Filologiya mirovoj literatury (1952). *Voprosy literatury*, pp. 123–139.

- Bak, D.P. (2007). Literaturovidenie Sergeya Bocharova. In *Pohvala filologii: Literaturnaya premiya Aleksandra Solzhenycyna (1998–2007)*, (pp. 35–41). Moscow : Russkij put'.
- Bahtin, M.M. (2017). Problemy poetiki Dostoevskogo. In *Bahtin M. Izbrannoe. (Vol. 2) Poetika Dostoevskogo* (pp. 15–288). Moscow ; Saint Peterburg : Centr gumanitarnyh iniciativ.
- Bahtin, M.M. (2017). Problemy tvorchestva Dostoevskogo. In *Bahtin M. Izbrannoe. (Vol. 2) Poetika Dostoevskogo* (pp. 289–444). Moscow ; Saint Petersburg : Centr gumanitarnyh iniciativ.
- Bahtin, M.M. (2000). *Bahtin M.M. (pod maskoj) – Frejdizm. Formal'nyj metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya. Stat'i (2000)*. Moscow : Labirint.
- Byom, A.L. (2001). Dostoevskij – genial'nyj chitatel' (1931). In Byom A.L. *Issledovaniya. Pis'ma o literature* (pp. 35–57). Moscow : Yazyki slavyanskih kul'tur.
- Byok, Avgust. (2013). *Enciklopediya i metodologiya filologicheskikh nauk [Tekst]*: In P.I. Alandskogo & A. Kuznecova (Eds.). 2-e izd. Moscow : URSS : Librokom.
- Bocharov, S. (1987). *Roman L. Tolstogo «Vojna i mir»* (1963). 4-e izd. Moscow : Hudozhestvennaya literatura.
- Bocharov, S.G. (1967). Prust i «potok soznaniya». Zhegalov N.N., Myasnikov A.S., Samarin R.M. & El'sberg Ya.E. (Eds.). In *Kriticheskij realizm XX veka i modernizm: Sb. statej* (pp. 194–234). Moscow : Nauka.
- Bocharov, S.G. (1999 a). *Syuzhety russkoj literatury*. Moscow : Yazyki russkoj kul'tury.
- Bocharov, S.G. (1999 b). Ob odnom razgovore i vokrug nego (1992). In Bocharov S.G. *Syuzhety russkoj literatury* (pp. 472–502). Moscow : Yazyki russkoj kul'tury.
- Bocharov, S. (2002). Lirika uma, ili Pyatoe izmerenie posle chetvertoj prozy. *Novyj mir*, (11), 174–178.
- Bocharov, S. (2007 a). Slovo laureata. In *Pohvala filologii. Literaturnaya premiya A. Solzhenycyna* pp. 43–49). Moscow : Russkij put'.
- Bocharov, S.G. (2007 b). *Filologicheskie syuzhety*. Moscow : Yazyki slavyanskih kul'tur.
- Bocharov, S. (2011). Pamyati Georgiya Dmitrievicha Gacheva. In *Progulki s Andream Sinyavskim: Vtorye mezhdunarodnye istoriko-literaturnye chteniya, posvyashchenye zhizni i tvorchestvu Andreya Sinyavskogo (Abrama Terca)* (pp. 157–161). Moscow : Centr knigi Rudomino.
- Bocharov, S. (2012 a). *Geneticheskaya pamyat' literatury*. Moscow : RGGU.

- Bocharov, S. (2012 b). O krovenosnoj sisteme literatury i ee geneticheskoy pamyati. In *Voprosy chteniya: Sb. st. v chest' Iriny Bencionovny Rodnyanskoy* (pp. 55–94). Moscow : RGGU.
- Bocharov, S. (2013). Sinyaya ptica Aleksandra Chudakova. In *Aleksandr Pavlovich Chudakov. Sbornik pamyati* (pp. 322–331). Moscow : Znak.
- Bocharov, S. (2014). *Veshchestvo sushchestvovaniya: Filologicheskie etyudy*. Moscow : Russkij mir.
- Vinokur, G.O. (2000). *Vvedenie v izuchenie filologicheskikh nauk*. Moscow : Labirint.
- Gadamer, G.-G. (1991). K russkim chitatelyam. In Gadamer G.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* (pp. 7–8). Moscow : Iskusstvo.
- Gadamer, G.-G. (1991). Filosofiya i germenevtika (1976). In Gadamer G.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* (pp. 9–15). Moscow : Iskusstvo.
- Kun, T. (2001). *Struktura nauchnyh revolyucij* (1962). Moscow : AST.
- Mahlin, V.L. (2009). Posle interpretacii. In Mahlin V.L. *Vtoroe soznanie. Podstupy k gumanitarnoj epistemologii* (pp. 546–564). Moscow : Znak.
- Tynyanov, Yu.N. (1966). Avtobiografiya (1939). In *Tynyanov-pisatel' i uchenyj: Vospominaniya. Razmyshleniya. Vstrechi* (pp. 9–20). Moscow : Molodaya gvardiya.